

24 декабря 1981 года

Советская Башкирия
г. Уфа

СОВЕТСКАЯ БАШКИРИЯ

ВСТРЕЧИ С ФАДЕЕВЫМ

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося советского писателя Александра Александровича Фадеева. А в феврале 1982 года общественность нашей республики будет отмечать 50-летие со времени пребывания Александра Фадеева в Уфе. Башкирское книжное из-

Навсегда в памяти

Вскоре после приезда Фадеева в Уфу состоялось собрание башкирских писателей с его участием. Мне довелось выступить на том собрании.

Позднее, помнится, был проведен большой литературный вечер, на котором Фадеев прочитал отрывки из романа «Последний из удаге». Рассказал он также о своей работе над этим произведением. Прибывший вместе с ним поэт Владимир Луговской читал свои стихи.

На том вечере я близко познакомился с Александром Фадеевым.

— В Москве кое-кто хвалит Галимджана Ибрагимова. А в Уфе утверждают, что Афзал Тагиров — большой писатель, — сказал Фадеев. — У Вас, говорят, есть роман Галимджана Ибрагимова «Глубокие корни», изданный на русском языке. Не смогли бы Вы одолжить его на время: хочется прочитать.

Когда через несколько дней я снова встретился с Фадеевым, он уже успел прочитать этот роман. Я спросил:

— Ну как, Александр Александрович, каково Ваше мнение о Галимджане Ибрагимове?

— Галимджан Ибрагимов, конечно же, крупный писатель, настоящий мастер, — сказал Фадеев. — Однако перевод произведения пред-

ставляется мне недостаточным зрелым. Проблема перевода — большая, важная проблема. Надо, наконец, научиться смотреть на это дело очень ответственно.

И далее, продолжая свою мысль, он добавил:

— Это ведь его последнее произведение. Но, разумеется, чтобы узнать вкус меда, нет надобности есть целый батман, достаточно и раз попробовать. Думаю, что в оригинале роман производит еще лучшее впечатление.

В годы Великой Отечественной войны, когда я стал руководителем башкирской писательской организации, начались наши деловые связи. Хорошо помню, когда в Уфе был издан мой поэтический сборник «От всего сердца» на русском языке, в который вошла и поэма «Ленин и боец». Экземпляр книги послал в Москву, Фадееву. Вскоре от него пришла телеграмма. «Спасибо за книгу. Это настоящая поэзия», — говорилось в ней.

В 1945 году — в последний год Великой Отечественной войны — в Москве прошло объединенное собрание правления Союза писателей СССР и Литфонда. Были рассмотрены издательские дела, а также вопрос о жилищно-бытовых условиях писателей. Собрание вел первый секретарь правления Союза писателей СССР Алек-

сандр Фадеев. Он спросил: — Какие будут предложения и пожелания? Я, в частности, сказал следующее:

— До сих пор в Москве не выходило книг классика башкирской и татарской литературы Мажита Гафури. Поэтому я просил бы включить в план издательства «Советский писатель» собрание его сочинений.

Стоило мне сказать об этом, как директор издательства (он, оказывается, тоже там присутствовал) ответил:

— Такая книга уже включена в наш план.

А Фадеев возьми да и скажи:

— Я предлагаю издать произведение самого Сайфи Кудаша...

После войны состоялся Второй съезд писателей нашей страны. Перед его открытием мы собрались на заседание партгруппы. На втором этаже в фойе ожидаем прихода Фадеева. Я стоял недалеко от лестницы, идущей с первого этажа. И вот внизу показалась лыноволосая голова Александра Александровича. Он шел своим обычным, очень быстрым шагом. Увидел меня — подошел и, дружески обняв, сказал:

— Спасибо за книгу! — Он имел в виду мою книгу «На встречу весне», незадолго до этого вышедшую в Москве на русском языке. — Я, — продолжал Фадеев, — дал указание о переиздании твоей книги массовым тиражом.

А о книге «Незабываемые минуты», над которой ты сейчас работаешь, поговорим особо.

После этого Александр Александрович снова затормозился и, на ходу здороваясь с каждым за руку, прошел в зал, где должно было состояться собрание.

Фадеев был удивительно душевным, располагающим к себе человеком, настоящим интернационалистом. На одном из пленумов Союза писателей СССР он говорил о том, что у каждого народа, большой он или маленький, были в прошлом

Талант художника и человека*

Это было летом 1952 года. Как много уже, оказывается, прошло времени... Но очень хорошо помню, как с новенькими документами в нагрудном кармане, выданными после окончания девятой уфимской башкирской средней школы-интерната, спешил в педагогический институт. Дескать, быстренько поступлю на исторический факультет и выйду оттуда большим деятелем. Не больше, не меньше. Короче говоря, иду с большими планами и светлыми надеждами на будущее.

На перекрестке повстречался мне Мустай-агай Карим.

* Статья написана к 75-летию А. А. Фадеева.

свои передовые писатели. «Надо показывать тех людей в прошлом своего народа, которые поняли, что их народу по пути с русской культурой, и поняли, что освобождение, скажем, Казахстана не может совершиться вне революционно-демократической России. Человеком, хорошо понимавшим это, был в Казахстане Абай Кунанбаев; в Азербайджане таким был Ахундов, в Армении — Налбандян и Абовян, в Северной Осетии — Коста Хетагуров, в Татарии — Тукай».

После этих слов весь зал аплодировал стоя. И я большей частью представляю Александра Александровича Фадеева, человека исключительной душевной щедрости, пламенного писателя-патриота, вот так — стоящим перед писательской аудиторией.

Сайфи КУДАШ,
народный поэт Башкирии.

— Куда спешишь? — спросил, улыбаясь, председатель Союза писателей Башкирии. Не успел я толком рассказать, куда и зачем, как он предложил: — Пойдем-ка, зайдём в союз, — и начал уговаривать меня поехать учиться в Москву, в Литературный институт. Я растерялся. Дескать, куда уж там в Москву, больно далеко, не по моим возможностям. Чуткий писатель тут же успокоил:

— Не бойся: Рафаэль Сафин с Шакиром Янбаевым тоже едут, и вас всех троих я сам отвезу.

В интернат я вернулся окрыленный. И после этого уже бредил столицей.

Через некоторое время

Мустай-агай повез нас в Москву. И, отворив перед нами ворота исторического дома на Тверском бульваре двадцать пять, где когда-то жил Герцен, сказал:

— Добро пожаловать братцы. Кем станете — покажет время, а вот вернуться с высшим образованием вы обязаны.

Мы нерешительно перешагнули порог Литературного института и разошлись по аудиториям. Так началась наша студенческая жизнь. Разместили нас недалеко от Москвы, в городке писателей Переделькино, на даче.

Через некоторое время у нас в неделю раз стали проходить творческие семинары. Я оказался в семинаре Владимира Александровича Луговского.

Студенческая жизнь, известно, не только одни радости дарит. Бывали и у меня ненастные дни. Иду однажды осенью с опущенной головой по Тверскому бульвару, направляясь к Арбату; попинываю кучки опавших листьев липы. Не доходя Никитских ворот, меня окликнули:

— Раис! — От неожиданности я даже вздрогнул. Смотрю, около меня стоит Владимир Александрович. Буквы «с» и «з» он выговаривал недостаточно четко, глуховато. — Ты что, разбойник, не жалеешь разве листьев? Я иду и сочиняю о них стихи, а ты идешь и распыливаешь их в разные стороны. Вроде и настроения нет?

— Пожелтевшие листья — это что? — ответил я унылым голосом.

— Говори, говори, — сказал поэт. Вижу, что выражение его лица заметно изменилось. — Я сейчас иду от Фадеева, он там в союзе остался, не стесняйся, зайди к нему. Подожди! — Владимир Александрович прислонился к скамейке и написал записку. — Беги!

Когда я робко вошел в кабинет, Александр Алек-

сандрович разговаривал по телефону.

— Проходи, с какой просьбой? — сказал Фадеев, положив телефонную трубку на рычаг. И внимательно посмотрел на меня. Я совсем растерялся и продолжал топтаться у дверей. Поняв мое состояние, писатель встал и направился ко мне. Я протянул ему записку Луговского. При чтении ее Александр Александрович улыбнулся. Вероятно, его развеселили слова «наш земляк». — Значит, земляком приходишься, а? — сказал Александр Александрович и, посадив меня около себя, некоторое время сидел молча, слегка прищурившись. Казалось, в эту минуту дороги молодости вернули его в Уфу. — Об отъезде домой и думать не смей. Там тебя никто не ждет с распростертыми объятиями, браток. Больно-то легко ничего не добьешься. Раз уж приехал в самую Москву, терпеть надо. Я сейчас в Литфонд позвоню, иди туда. Хорошо учись.

Позднее я частенько встречал Александра Александровича на улицах Переделькино. Для меня было большой радостью приветствовать его при встречах. Не знаю почему, с уверенностью не могу утверждать, то ли потому, что в трудные для меня дни протянул он руку помощи, то ли благодаря его большому таланту художника и человека, но он стал моим самым близким, самым любимым писателем.

Когда Александр Александрович ушел из жизни, мы, студенты, узнали об этом одними из первых, потому что жили на соседней даче. Услышав горькую весть, сразу же прибежали к даче Фадеева. Казалось, не только люди, но и устремленные в небо сосны оплакивали утрату этого большого и светлого человека...

Когда Александр Александрович ушел из жизни, мы, студенты, узнали об этом одними из первых, потому что жили на соседней даче. Услышав горькую весть, сразу же прибежали к даче Фадеева. Казалось, не только люди, но и устремленные в небо сосны оплакивали утрату этого большого и светлого человека...

РАИС НИЗАМОВ.
Перевод с башкирского.